

ИВ. БУНИНЪ.

НОВЫЙ
ГОДЪ.

Пушкинъ
Лермонтовъ
Гоголь
Львостой
Юнгаровъ
Некрасовъ
Дубининъ
Тургеневъ
Чеховъ
Короленко

Гейне
Гете
Шиллеръ
Кларкунъ
Шницлеръ
Делюссанъ
Капони Вендсъ
в. Бого
Аюса-слиъ
Г. Пьеро

Ссылающимся на это объявл. изд. „Миръ“ высылаегь бесплатно 20 книг. „Библиог. Кол.“

Продолжается подписка на 1910-й годъ на иллюстрированный, литературный, научный, общественно-политический журналъ

Годъ изданія третій. **„МІРЪ“** 5 руб. въ годъ.

Въ 1910 году всѣ годовые подписчики журнала „Миръ“ получаютъ журналъ большого формата, съ многочисленными рисунками и иллюстраціями въ текстѣ.

Альбомъ изъ 24 картинъ знаменит. художн. въ краскахъ, на мѣловой бумагѣ, работы „Т-ва Вильборгъ и Голіке“. **Живыя рѣчи** Л. Н. Толстого собранныя И. Б. Тенеромо.

По желанію гг. подписчиковъ „Живыя рѣчи“ могутъ быть замѣнены 20 книгами „Всѣобщей Библиотеки“.—Въ каждой книжкѣ законченное произведеніе выдающихся писателей и мыслителей Россіи и Западной Европы. По первому требованію высылаегь каталогъ Всѣобщей Библиотеки для выбора 20 книгъ изъ имѣющихся въ продажѣ 100 названій. Являясь ежемѣсячнымъ вѣстникомъ науки, литературы, искусства и общественной жизни, журналъ „Миръ“ чутко прислушивается къ духовнымъ и культурнымъ запросамъ своихъ читателей и отражаетъ на своихъ страницахъ все новое и выдающееся во всѣхъ областяхъ человѣческой мысли.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала „Миръ“ читатель найдетъ избранныя произведенія лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Популярно научный отдѣлъ журнала „Миръ“, въ которомъ принимаютъ участіе выдающиеся ученые Россіи и Запада, имѣетъ цѣлью знакомить широкія интеллигентныя массы съ завоеваніями научной мысли. И, наконецъ, неутомительно слѣдя за развитіемъ культурныхъ началъ общественной самодѣятельности у насъ и за рубежомъ—журналъ „Миръ“ даетъ своимъ читателямъ лишенную тенденціозности картину культурной и политической жизни Россіи и Запада. Въ отдѣлѣ „лѣтопись“ помѣщаются лучшими специалистами руководящія статьи по вопросамъ литературы, искусства, критики и библиографіи.

Подписная цѣна на журналъ „Миръ“ со всѣми приложеніями, съ доставкой и перес. во всѣ мѣстности Россіи на годъ 5 р., на полгода 3 р.

Допускаегь рассрочка: при подпискѣ 2 р. и каждыя три мѣсяца по 1 р.

Адресъ для писемъ и переводовъ:

С.-Петербургъ, Лиговская, 47, журналу „Миръ“.

Подробный проспектъ и каталогъ книгоизд. „Миръ“ высылаегь **БЕЗПЛАТНО**.

ИВАНЪ БУНИНЪ.

Р 10
Г 4326

Н О В Ы Й

Г О Д Ъ.

67889

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
„БИБЛИОТЕЧКА КОПЕЙКА“

СПБ., ТРОИЦКАЯ, П
1910.

15

Ссылающимся на это объявл. изд. „Миръ“ высылаютъ безплатно 20 книг. „Библиот. Коп.“.

Издат. БИБЛИОТЕЧКА КОПЕЙКА

ставить себѣ цѣлью провести въ широкія читающія массы лучшія произведенія родныхъ и иностранныхъ писателей. Печатавъ въ подумил. количествѣ каждую серію, издательство имѣетъ возможность дать за *одну копейку* книжку съ закончен. рассказомъ, въ художеств. обложкѣ, съ портр. автора.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

Л. Н. Толстой. Франсуаза.—Леонидъ Андреевъ. Баргамотъ и Гараська.—Альфонсъ Додэ. Рождество на маякѣ.—В. Гюго. Епископъ Миріель.—Кнутъ Гамсунъ. На почтов. выхъ.—Марсель Прево. Поездка на кладбище.—Генр. Сенкевичъ. Вождь.—А. С. Пушкинъ. Станціонный смотритель.—Л. Н. Толстой. Три старца.—Евг. Чириковъ. Страшные сонъ.—Н. В. Гоголь. Тяжба.—К. Жаковъ. Атаманъ Шыпича.—Борисъ Зайцевъ. Молодые.—Александръ Дюма сынъ. Подлинная исторія.—Александръ Дюма отецъ. Маскарадъ.—Кн Гамсунъ. Рождество въ горахъ.—Л. Н. Толстой. Суратская кофейная.—Гр. Петровъ. Зеленый змій.—Альфонсъ Додэ. Послѣдній урокъ.—Н. В. Гоголь. Заколдованное мѣсто.—К. Жаковъ.—Мудрый Памъ.—Кнутъ Гамсунъ. Страхъ. Кольцо Сельма Лагерлѣфъ.—„Братья исаломщики“. Гюи де-Мопасанъ.—„Крестины“. Минна Кантъ.—„Нянька“.

За 3 семикоп. марки высылаются 10 книж. за 5 семикоп. марокъ высылаются 20 книж. „Библ. Коп.“.

НОВАЯ БИБЛИОТЕЧКА ЦѢНА 2 КОП.

Всеволодъ Гаршинъ. Attalea princeps.—Гр. Петровъ. Пѣвецъ тоски.—Гр. Петровъ. пропащій человекъ.—А. Г. Генкель.—Илья Ильичъ Мечниковъ. Его жизнь и дѣятельность

БИБЛИОТЕЧКА „НАРОДНОЕ ЗДРАВІЕ“ ЦѢНА 5 КОП.

Дрѣ П. Б. Ваксъ. Чахотка, и борьба съ нею. При требованіяхъ на вышеуказанныя наши изданія просить присылать задатокъ въ размѣрѣ 1/3 стоимости заказа. Книжн. магазинамъ, газетнымъ агентамъ обычная уступка.

Объявленія принимаются въ главной конторѣ.

ПИСЬМА И ТРЕБОВАНИЯ АДРЕСОВАТЬ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО
С.-Петербургъ, Троицкая 11, „Библиотечка Копейка“.
Телеф. 61-25.

Тип. т-ва „Общественная Польза“, В. Подъячская, 40.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1914
В. И. ЛЕНИНА

7492948

НОВЫЙ ГОДЪ.

— Послушай, — сказала жена, — мнѣ жутко.

Была лунная зимняя полночь, мы ночевали на хуторѣ въ Тамбовской губерніи, по пути въ Петербургъ съ юга и спали въ «дѣт-

КНИГАЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	пар.	Иллюстр.	Служеб. №	№ списка и сортировочный	1914
1					11	200	8
						582	
							1914—191000

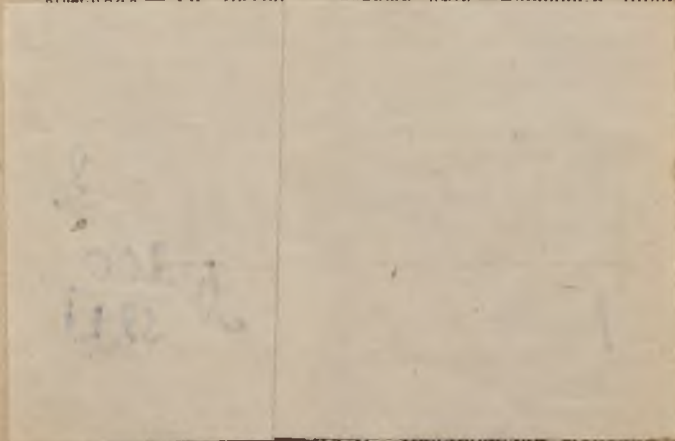
кровати у противоположной стѣны. Подъ

Издат. БИБЛИОТЕЧКА КОПЕЙКА

ставить себѣ цѣлью провести въ широкія читающія массы лучшія произведенія родныхъ и иностранныхъ писателей. Печатавъ въ подумил. количествѣ каждую серію, издательство имѣетъ возможность дать за *одну копейку* книжку съ закончен. рассказомъ, въ художеств. обложкѣ, съ портр. автора.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

Л. Н. Толстой. Франсуаза.— Леонидъ Андреевъ. Баргамотъ и Гараська.— Альфонсъ Додэ. Рождество на маякѣ.— В. Гюго. Епископъ Миріель.— Кнутъ Гамсунъ. На почтовыхъ.— Марсель Прево. Поѣздка на кладбище.— Генр. Сен-невичъ. Вождь.— А. С. Пушкинъ. Станціонный смотритель.— Л. Н. Толстой. Три старца.— Евг. Чириковъ. Страшные сонъ.— Н. В. Гоголь. Тяжба.— К. Жановъ. Атаманъ Шыпича.— Борисъ Зайцевъ. Молодые.— Александръ Дюма сынъ. Подлинная исторія.— Александръ Дюма отецъ. Маскарадъ.— Кн Гамсунъ. Рождество въ горахъ.— Л. Н. Толстой. Суратская кофейня.— Гр. Петровъ. Зеленый змій.— Альфонсъ Додэ

Телеф. 61-25.

Тип: т-ва „Общественная Польза“, В. Подъячская. 30

Библиотечка Копейка
С. И. ЛЕНИНА

74929-48

НОВЫЙ ГОДЪ.

— Послушай, — сказала жена, — мнѣ жутко.

Была лунная зимняя полночь, мы ночевали на хуторѣ въ Тамбовской губерніи, по пути въ Петербургъ съ юга, и спали въ «дѣтской», единственной теплой комнатѣ во всемъ домѣ. Открывъ глаза, я увидаль легкой сумракъ, наполненный голубоватымъ свѣтомъ, полъ, покрытый попонами, и бѣлую лежанку. Надъ квадратнымъ окномъ, въ которое виднѣлся свѣтлый снѣжный дворъ, слегка нависала щетина соломенной крыши, серебрившаяся инеемъ. Было такъ тихо, какъ можетъ быть только въ полѣ, въ зимнія ночи.

— Ты спишь, — сказала жена недовольно, — а я задремала давеча въ возкѣ и теперь не могу...

Она полулежала на большой старинной кровати у противоположной стѣны. Когда я

подошелъ къ ней, она заговорила веселымъ шопотомъ:

— Слушай,—ты не сердисься, что я разбудила тебя? Мнѣ, правда, стало жутко немного и какъ-то очень хорошо. Я почувствовала, что мы съ тобой совсѣмъ, совсѣмъ одни тутъ, и на меня напалъ чисто дѣтскій страхъ...

Она подняла голову и прислушалась.

— Слышишь, какъ тихо?—спросила она чуть слышно.

Мысленно я далеко оглянулъ снѣжныя поля вокругъ насъ,—всюду было мертвое молчаніе русской зимней ночи, среди которой таинственно приближался новый годъ... Такъ давно не ночевалъ я въ деревнѣ, и такъ давно не говорили мы съ женой мирно! Я нѣсколько разъ поцѣловалъ ее въ глаза и волосы съ той спокойной любовью, которая бываетъ только въ рѣдкія минуты, и она внезапно отвѣтила мнѣ порывистыми поцѣлуями влюбленной дѣвушки. Потомъ долго прижимала мою руку къ своей загорѣвшей щекѣ.

— Какъ хорошо!—проговорила она со вздохомъ и убѣжденно. И, помолчавъ, прибавила:—Да, все-таки ты единственный близ-

кій мнѣ человѣкъ! Ты чувствуешь, что я люблю тебя?

Я пожалъ ея руку.

— Какъ это случилось?—спросила она, открывая глаза.—Выходила я не любя, живемъ мы съ тобой дурно, ты самъ говоришь, что изъ-за меня ты ведешь пошлое и тяжелое существованіе... И, однако, все чаще мы чувствуемъ, что мы нужны другъ другу. Откуда это приходитъ и почему только въ нѣкоторыя минуты? Съ новымъ годомъ, Костя!—сказала она, стараясь улыбнуться, и нѣсколько теплыхъ слезъ упало на мою руку.

Положивъ голову на подушку, она заплакала, и, видимо, слезы были пріятны ей, потому что изрѣдка она поднимала лицо, улыбалась сквозь слезы и цѣловала меня, стараясь продлить ихъ нѣжностью. Я медленно гладилъ ея волосы, давая понять, что я цѣню и понимаю эти слезы. Я вспомнилъ прошлый новый годъ, которыя мы, по обыкновенію, встрѣчали въ Петербургѣ въ кружкѣ моихъ сослуживцевъ, хотѣлъ вспомнить позашелый и не могъ и опять подумалъ то, что часто приходитъ мнѣ въ голову: годы сливаются въ одинъ беспорядочный и однообразный годъ, полный сѣрыхъ служебныхъ дней

и скучныхъ журъ-фиксовъ, умственные и душевные способности слабѣютъ, мелочная, подневольная жизнь все болѣе входитъ въ свои права, и все болѣе неосуществимыми кажутся надежды имѣть свой уголь, поселиться гдѣ-нибудь въ деревнѣ или на югѣ, копаться съ женой и дѣтьми въ виноградникахъ, ловить въ морѣ лѣтомъ рыбу... Я вспомнилъ, какъ ровно годъ тому назадъ жена съ приторной любезностью заботилась и хлопотала о каждомъ, кто, считаясь нашимъ другомъ, встрѣчалъ съ нами новогоднюю ночь,—какъ она улыбалась нѣкоторымъ изъ молодыхъ гостей и предлагала загодично-меланхолическіе тосты и какъ чужда и неприятна была мнѣ она въ вѣтхой петербургской квартиркѣ...

— Ну, полно, Оля!—сказалъ я ласково и безпечно.

— Дай мнѣ платокъ,—тихо отвѣтила она и по-дѣтски, прерывисто вздохнула.—Я уже не плачу больше.

Я нашель подъ подушкой платокъ, нѣсколько минутъ мы молчали. Лунный свѣтъ воздушно-серебристой полосой падалъ на лежанку и озарялъ ее странною, ярко блѣдною. Все остальное было въ сумракѣ, и въ немъ медленно плавалъ дымъ моей папи-

росы. И отъ попонъ на полу, отъ теплой, озаренной лежанки,—ото всего вѣяло глухой деревенской жизнью, уютностью родного дома...

— Ты рада, что мы заѣхали сюда?—спросилъ я.

— Ужасно, Костя, рада, ужасно! — отвѣтила жена съ порывистой искренностью. — Я думала объ этомъ, когда ты уснулъ. Помоему,—сказала она уже съ улыбкой,—внчаться надо бы два раза. Серьезно, — какое это счастье—стать подъ вѣнецъ сознательно, поживши, пострадавши съ человѣкомъ! И непременно жить дома, въ своемъ углу, гдѣ-нибудь подалеише ото всѣхъ... «Родиться, жить и умереть въ родномъ домѣ» — какъ говорить Мопассанъ!

Она задумалась и опять положила голову на подушку.

— Это сказалъ Сень-Бевъ,—поправилъ я.

— Все равно, Костя. Я, можетъ быть, и глухая, какъ ты постоянно говоришь, но всетаки одна люблю тебя... Хочешь, пойдемъ гулять?

— Гулять? Куда?

— По двору. Я надѣну валенки, твой полушубочекъ... Развѣ ты уснешь сейчасъ?

Черезъ полчаса мы одѣлись и, улыбаясь, остановились у двери.

— Ты не сердисься? — спросила жена, взявъ мою руку.

Она ласково заглядывала мнѣ въ глаза, и лицо ея было необыкновенно мило въ эту минуту, и вся она казалась такой женственной въ полущубочкѣ, въ сѣрой шали, которой она по-деревенски закутала голову, и въ мягкихъ валенкахъ, дѣлавшихъ ее ниже ростомъ.

Изъ дѣтской мы вышли въ корридоръ, гдѣ было темно и холодно, какъ въ погребѣ, и въ темнотѣ добрались до прихожей, называвшейся прежде «лакейской»... Потомъ заглянули въ залъ и гостиную... Скрипъ двери, ведущей въ залъ, раздался по всему дому, а изъ сумрака большой, пустой комнаты, какъ два огромные глаза, глянули на насъ два высокихъ окна въ садъ. Третье было прикрито полуразломанными ставнями.

— Ау! — крикнула жена на порогѣ.

— Не надо, — сказалъ я, — лучше посмотри, какъ тамъ хорошо.

Она притихла, и мы несмѣло вошли въ комнату. Очень рѣдкій и низенькій садъ, върнѣе, кустарникъ, раскиданный по широкой снѣжной полянѣ, былъ видѣнъ изъ оконъ, и одна половина его была въ тѣни, далеко лежавшей отъ дома, а другая, освѣщенная, четко

и нѣжно бѣлѣла подъ звѣзднымъ небомъ тихой зимней ночи. Кошка, неизвѣстно какъ попавшая въ эти пустыя комнаты, вдругъ прыгнула съ мягкимъ стукомъ съ подоконника и мелькнула у насъ подъ ногами, блеснувъ золотисто-оранжевыми глазами. Я вздрогнулъ, и точно угадавъ мое чувство, жена тревожнымъ шопотомъ спросила меня:

— Ты боялся бы здѣсь одинъ?

Прижимаясь другъ къ другу, мы прошли по залу въ гостиную, къ двойнымъ стекляннымъ дверямъ на балконъ. Тутъ еще до сихъ поръ стояла огромная кушетка, на которой я спалъ, прѣзжая въ деревню студентомъ. Казалось, что еще вчера были эти лѣтніе дни, когда мы всей семьей обѣдали на балконѣ, когда вся усадьба была полна домовитой, помѣщичьей жизнью... Теперь въ гостиной пахло плѣсенью и зимней сыростью, тяжелая, промерзлая обои кусками висѣли со стѣнъ... Было больно и не хотѣлось думать о прошломъ, особенно, передъ лицомъ этой прекрасной, зимней ночи. Изъ гостиной еще яснѣе, чѣмъ изъ зала, виденъ былъ весь садъ и вся бѣлоснѣжная равнина подъ звѣзднымъ небомъ, — каждый сугробъ чистаго, дѣвственнаго снѣга, каждая ^{отъ эта поляна} ~~стопка~~ ^{стопка} ~~среди~~ пушистой, бѣлой равнины.

БИБЛИОТЕКА СССР
В. И. ЛЕНИНА

— Тамъ утонешь безъ лыжь,—сказаль я въ отвѣтъ на просьбу жены пройти черезъ садъ на гумно. — А, бывало, я по цѣлымъ ночамъ сидѣль зимой на гумнахъ, въ овсяныхъ ометахъ... Теперь зайцы, небось, приходятъ къ самому балкону!

Оторвавъ большой, неуклюжій кусокъ обои, висѣвшій у двери, я бросиль его въ уголь, и, точно сдѣлавъ дѣло, мы молча вернулись въ прихожую и черезъ большія бревенчатыя сѣни вышли на морозный воздухъ. Тамъ я сѣлъ на ступени крыльца, закуривая папироску, а жена, хрустя валенками по снѣгу, сбѣжала на сугробы и подняла лицо къ блѣдному зимнему мѣсяцу, уже низко стоявшему надъ черной и длинной избой, въ которой спали сторожъ усадьбы и нашъ ямщикъ со станціи.

— Мѣсяць, мѣсяць, тебѣ золотые рога, а мнѣ золотая казна!—заговорила она, кружась, какъ дѣвочка, по широкому, бѣлому двору.

Голось ея звонко раздался въ воздухъ и былъ такъ страненъ въ тишинѣ этой мертвой усадьбы. Кружась, она прошла до ямщицкой кибитки, чернѣвшей въ тѣни передъ избой, и было слышно какъ она бормотала на ходу:

Татьяна на широкій дворъ
Въ открытомъ платицѣ выходитъ,
На мѣсяць зеркало наводитъ,
Но въ темномъ зеркалѣ одна
Дрожить печальная луна...

— Никогда я уже не буду гадать о суженомъ! — сказала она, возвращаясь къ крыльцу, и, запыхавшись и весело дыша морозной свѣжестью, сѣла на ступени возлѣ меня.— Ты не уснулъ, Костя? Можно съ тобой сѣсть рядомъ, миленькій, золотой мой?

Большая рыжая собака медленно подошла къ намъ изъ-за крыльца, съ ласковой снисходительностью вилая пушистымъ хвостомъ, и она обняла ее за широкую шею въ густомъ мѣху, а собака глядѣла черезъ ея голову умными, вопросительными глазами и все также равнодушно - ласково, вѣроятно, сама того не замѣчая, махала хвостомъ. Я тоже гладиль этотъ густой, холодный и глянцевитый мѣхъ, глядѣль на блѣдное человѣческое лицо мѣсяца, на длинную черную избу, на сияющій снѣгомъ дворъ и думаль, подбадривая себя:

— Въ самомъ дѣлѣ, неужели уже все по-

теряно? Кто знаетъ, что принесетъ мнѣ этотъ новый годъ?

— А что-то теперь въ Петербургѣ?—сказала жена, поднимая голову и слегка отпихивая собаку.—О чемъ ты думаешь, Костя?—спросила она, приближая ко мнѣ помолодѣвшее на морозѣ лицо.—Я думаю, о томъ, что вотъ мужики никогда не встрѣчаютъ новаго года, и во всей Россіи теперь мертвая тишина, и всѣ давнымъ-давно спать...

Но говорить не хотѣлось. Было уже холодно, въ одежду отовсюду пробирался морозъ. Я закутала ноги пелами шубы и слегка вытянулъ ихъ, а жена сѣла ко мнѣ на колѣни и, обнявшись, мы стали медленно покачиваться, какъ дѣлали это когда-то прежде. Вправо отъ насъ видно было въ ворота блестящее, какъ золотая слюда, поле, и голая лозинка съ тонкими обледенѣвшими вѣтвями, стоявшая далеко въ полѣ, казалась сказочнымъ стекляннымъ деревомъ. Днемъ я видѣлъ тамъ остовъ дохлой коровы, и теперь сбака вдругъ насторожилась и остро приподняла уши: далеко по блестящей слюдѣ побѣжало отъ лозинки что-то маленькое и темное, — можетъ быть, лисица,—и въ чуткой тишинѣ

долго замирало чуть уловимое таинственное потрескиваніе наста.

Прислушиваясь, жена спросила:

— А если бы мы остались здѣсь?

Я подумалъ и отвѣтилъ:

— А ты бы не соскучилась?

И какъ только я сказалъ, мы оба почувствовали, что не могли бы выжить здѣсь и года. Уйти отъ людей, отъ жизни, никогда не видать ничего кромѣ этого снѣжнаго поля! Возможно ли это? Положимъ, можно заняться хозяйствомъ... Но какое хозяйство можно завести въ этихъ жалкихъ остаткахъ усадьбы, на сотнѣ десятинъ земли? И теперь всюду такія усадьбы,—на сто верстъ въ окружности нѣтъ ни одного дома, гдѣ бы было свѣтло, весело, чувствовалось что-нибудь живое! А въ деревняхъ—голодь...

— Но какъ же здѣсь жили твой отецъ, мать, братья?—спросила жена.

— Ахъ, — сказалъ я, съ напускной безпечностью. — Было то въ незапамятные вѣки! И поговоримъ лучше о другихъ вещахъ!..

Однако, засыпая подъ утро въ дѣтской и сѣда на другой день въ рогожной кибиткѣ

по пути на станцію, я думалъ все о томъ же. Заснули мы крѣпко, а утромъ, прямо съ постели, нужно было собираться въ дорогу. Когда за стѣною закричѣли полозья, и около самаго окна прошли по высокимъ сугробамъ лошади, запряженные гусемъ, жена, полусонная, грустно улыбнулась и чувствовалось, что ей жаль покидать теплую деревенскую комнату...

— Вотъ и новый годъ!—думалъ я поглядывая изъ скрипучей, опущенной инеемъ кибитки въ сѣрое поле.—Какъ-то мы проживемъ эти новые триста шестьдесятъ пять дней?

Но мелкій лепетъ бубенчиковъ спутывалъ мысли, думать о будущемъ было неприятно. Выглядывая изъ кибитки, я уже едва различалъ мутный, сѣро-сизый пейзажъ усадьбы, все болѣе уменьшающійся въ ровной снѣжной степи и постепенно сливающійся съ туманной далью морознаго туманнаго дня. Покрикивая на заиндѣвѣвшихъ лошадей, ямщикъ стоялъ въ козлахъ и, видимо, былъ совершенно равнодушенъ и къ новому году, и къ пустому полю, и къ своей и нашей участи. Съ трудомъ добравшись подъ тяжелымъ армякомъ и полшубкомъ до кар-

мана, онъ вытащилъ трубку, и скоро въ зимнемъ воздухѣ запахло сѣрой идушистой махоркой. Запахъ былъ родной, приятный, и меня трогали и воспоминаніе о хуторѣ, и наше временное примиреніе съ женою, которая дремала, прижавшись въ уголь возка и закрывъ большія, сѣрыя отъ инея рѣсеницы. Но повинувъ внутреннему желанію поскорѣе забыться въ мелкой суетѣ и привычной обстановкѣ, я дѣлочно-весело покривалъ:

— Погоняй, Степанъ, потрогивай! Опоздаемъ!

А далеко впереди уже бѣжали туманные силуэты телеграфныхъ столбовъ вдоль желѣзной дороги, и мелкій лепетъ бубенчиковъ такъ шелъ къ моимъ думамъ о безсвязной и безмысленной жизни, которая ждала меня впереди...

Москва,

26-го мая 1910 г.

Ив. Бунинъ.

ИВАНЪ БУНИНЪ.

Т. VI. РАЗСКАЗЫ.

Бѣденъ бѣсъ.—Старая пѣсня.—Сонъ Обломова-внука.—
Гудей.—Храмъ Солнца.—Пустыня дьявола.—Стихотворенія
Изд. Т-ва „Общественная Польза“. Ц. 1 р.

Пріохотить къ хорошему чтенію, поднять интересъ и любовь къ родной литературѣ—таковы задачи предпринятой т-омъ „Общественная Польза“ библіотеки „избранныхъ произведеній литературы“.

Стремясь сдѣлать произведенія современной русской литературы доступными для самыхъ широкихъ круговъ читателей, издательство приняло всѣ мѣры къ удешевленію изданія и назначило цѣну въ пять копѣекъ за каждую книжку библіотеки.

Тѣми же цѣлями издательство намѣрено руководиться и при выборѣ литературнаго матеріала для библіотеки, включая въ библіотеку лишь произведенія, вполне удовлетворяющія литературнымъ и художественнымъ требованіямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ занимательныя и доступныя по своему содержанію для самыхъ разнообразныхъ читателей.

Указанныя условія даютъ издательству основаніе надѣяться, что библіотека „избранныхъ произведеній литературы“ найдетъ себѣ широкій доступъ какъ въ народную среду, такъ и въ тѣ круги читателей, которые до сихъ поръ питались похиженіями „Пинкертоновъ“ и иного рода уличной макулатурой. Въ борьбѣ съ этого рода литературой книгоиздательство видитъ серьезную культурную задачу предпринятой имъ Библіотеки „Общественной Пользы“.

На ближайшую очередь намѣчены къ выпуску слѣдующія произведенія:

- А. И. Купринъ.—Мелкозага.
- С. Я. Елпатьевскій.—Гекторъ.
- Скиталець (Ст. Петровъ).—Разсказы.
- С. И. Гусевъ-Оренбургскій.—Козелихнскій дяковъ и др. разск.
- М. К. Первухинъ.—Свисташкино счастье.
- А. С. Серафимовичъ.—У обрыва.
- Н. Осиповичъ.—Въ дѣтскую ночь.
- С. Кондурушкинъ.—Безъ береговъ.
- Д. Айзманъ.—Земляки.
- В. Муйжель.—Волкъ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: въ книжномъ магазинѣ т-ва „Общественная Польза“, Спб., Невскій пр., 40, кв. 43.

Борьба съ пьянствомъ.

СЕКРЕТНОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВЪ АЛКОГОЛИЗМА.

Человѣчество въ теченіе многихъ вѣковъ оставалось бессильнымъ передъ своимъ злѣйшимъ врагомъ, но теперь, наконецъ, къ счастью человѣчества найдено вѣрное средство противъ этого страшнаго бича. Такимъ средствомъ является „АЛКОЛА“, которая не только уничтожаетъ страсть къ спиртнымъ напиткамъ, но вызываетъ

отвращеніе даже къ запаху вина.

Средство „Алкола“ спасло тысячи семействъ отъ стыда и позора. Оно превращало самыхъ горькихъ пьяницъ въ трезвыхъ, работоспособныхъ и дѣловыхъ людей. Послѣ приема „Алкола“ больные чувствуютъ себя возрожденными. Отпускается изъ аптекъ и по рецептамъ врачей.

Если больные не желаютъ сами пользоваться имъ,

можно давать алколу секретно.

„АЛКОЛА“ не имѣетъ ни вкуса, ни цвѣта, ни запаха, а потому можно давать его въ чаѣ, супѣ, пищѣ и нитѣ. Вольной будетъ въ послѣдствіи самъ удивляться причинѣ своего спасенія.

Книга даромъ. Въ ней вы найдете свѣдѣнія о средствѣ „АЛКОЛА“ и о чудесныхъ результатахъ, достигнутыхъ благодаря этому, удивительному средству. Требуется книгу сегодня же, напишите точно, разборчиво, Вашъ адресъ.

Требованія адресовать:

С.-Петербургъ, Т-во „Гигіенической Университетъ“, Ш. Ласлей, и К^о. Отд. 137, Екатерининскій каналъ, 12.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1910 г. (годъ изд. III-й)

— О Н О В Ы Й О —

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ.

Журналъ выходитъ ежемѣс. въ объемѣ до 9 обычн. печатн. лис
130—140 стр.) съ иллюстр. въ текстѣ, на отд. листахъ велен. бумаги

Годовые подписчики получаютъ бесплатную премію: Худож
ственно исполненный альбомъ „Галлерей современныхъ писателей

Въ 1910 году въ „Нов. журналъ для всѣхъ“ между прочимъ
будутъ помѣщены слѣдующія произведенія: Л. Н. Толстой. Из
переписки о Евангелии. — Н. Арцыбашевъ. Матерь Божі
Смерть В. В. Башкина (некрологъ).—А. Купринъ. Водолазы.—
Е. Чириковъ. Волкъ.— Борисъ Зайцевъ. Жемчугъ.—
Скиталець. Шелька.—А. Серафимовичъ. Въ номерѣ—
Осипъ Дымовъ. Плоды осени.—Георгій Чулковъ. Ра
пятыя лилии.—С. Гусевъ-Оренбургскій. Лукичъ.—Ан
толій Каменскій. Пятос.—С. Кондурушкинъ. Ве
прось.—В. Башкинъ. Борьба (посмертный рассказъ).—В
рисъ Лазаревскій. Подруги.—С. Ауслендеръ. У фа
брики.—Ник. Архиповъ. Одна минута.—А. Ремизовъ. Ли
хая.—Д. Айзманъ. Скверный осадокъ.—Н. Олигеръ. Не
настье.—Н. Тимковскій. „Онъ“.—Вл. Кохановскій
Звѣрь.—А. Еедоровъ. Вифлеемъ.—А. Свирскій. Прили
ная жизнь.—М. Премировъ. Зимой.—И. Потапенко. Сѣра
крыса.—Карменъ. Тяжчикъ спитъ.—А. Мирэ. Бѣлый ключъ.—
А. Гринъ. Колонія Ланферъ.—В. Гофманъ. Въ горахъ.—
Д. Цензоръ. Кити.—Проф. В. Сперанскій. Религія Ре
нана.—Проф. А. Рейснеръ.—Католичество и тираноубиство.—
Проф. В. Святловскій. Студенчество въ цифрахъ и про
Кромѣ того обѣщанъ рассказъ Леонида Андреева.

Ред. прин. мѣры къ значит. улучш. внѣшн. стороны журнала; первы
шаги отчасти уже сдѣланы въ наст. книжкѣ, дальн. послѣд. въ январѣ

Подписная плата: на годъ—2 р., полгода—1 р. За границу—3 р.
Цѣна отд. книжки въ магаз.—25 к. Пробн. № за пять 7 к. мар. Под
писная плата марк. не приним. Подписка принимается въ ред. и в
всѣхъ книжн. магаз., въ посл. случаѣ приплач. 15 к. въ пользу магаз.

Адресъ для переводовъ: Петербургъ, Свѣчной, 16, Нов. Жур
налу для всѣхъ. Принимается подписка на 1 мѣс.—16½ к.

Комплектъ журнала за 1908—1909 гг. (14 книгъ) высылаются за 2
30 к. съ приплатой—50 к. за посылку (для Сибири 70 к.).